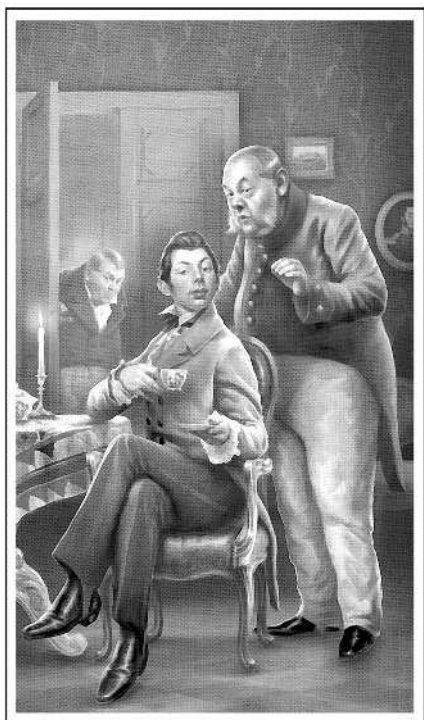

НОВЕЙШАЯ ХРЕСТОМАТИЯ

по литературе

7 класс

2-е издание, исправленное и переработанное

Москва
2017

УДК 373.167.1:82
ББК 83я721
Н72

В оформлении переплета
использована иллюстрация *В.В. Нартова*

Н72 **Новейшая** хрестоматия по литературе : 7 класс. — 2-е изд.,
испр. и перераб. — Москва : Эксмо, 2017. — 496 с. — (Новейшие
хрестоматии).

ISBN 978-5-699-81237-0

В средней школе продолжается изучение русской и зарубежной литературы, при этом круг чтения учащихся значительно расширяется. Обновляются и школьные программы — в них включаются многие произведения, которые еще 10–15 лет назад не изучались в школе.

Новейшая хрестоматия составлена в полном соответствии с современными требованиями стандарта образования и может быть использована со всеми основными учебниками, рекомендованными Министерством образования и науки РФ. В нее вошли памятники древнерусской литературы, произведения русских классиков XIX и XX веков и современных отечественных авторов, шедевры мировой литературы — все тексты, необходимые семиклассникам для подготовки к урокам литературы дома.

УДК 373.167.1:82
ББК 83я721

ISBN 978-5-699-81237-0

© Оформление. ООО «Издательство «Эксмо», 2017

**ДРЕВНЕРУССКАЯ
ЛИТЕРАТУРА**

ДОБРЫНЯ И ЗМЕЙ

Добрынюшке-то матушка говаривала,
Да Никитичу-то матушка наказывала:
«Ты не ездика далече во чисто поле,
На ту на гору да Сорочинскую,
Не топчи-ка ты младых змеенышей,
Ты не выручай-ка полонов да русских,
Не куплись, Добрыня, во Пучай-реке —
Пучай-река очень свирепая,
Средняя-то струйка как огонь сечет».
Добрыня своей матушки не слушался,
Как он едет далече во чисто поле
На ту на гору на Сорочинскую.
Потоптал он младых змеенышей,
Повыручал он полонов да русских.
Богатырско его сердце распотелось,
Распотелось сердце, нажаделось.
Он приправил своего добра коня,
Он добра коня, да ко Пучай-реке.
Он слезал, Добрыня, со добра коня,
Да снимал Добрыня платье цветное,
Он забрел за струечку за первую,
Да забрел за струечку за среднюю,
Говорил сам да таково слово:
«Мне, Добрынюшке, матушка говаривала,
Мне, Никитичу, маменька наказывала:
Что не ездика далече во чисто поле,
На ту на гору на Сорочинскую,
Не топчи-ка младых змеенышей,
Не выручай полонов да русских
И не куплись, Добрыня, во Пучай-реке, —
Пучай-река очень свирепая,
Средняя струйка как огонь сечет.

А Пучай-река она кротка-смирна,
Она будто лужа-то дождёвая!»

Не успел Добрыня словца смолвити —
Ветра нет, да тучу наднесло,
Тучи нет, да будто дождь дождит,
А дождя-то нет, да только гром гремит,
Гром гремит да свищет молния.
Как летит змеище Горынище
О тых двенадцати о хоботах.
Добрыня той Змеи не приужахнется,
Говорит Змея ему проклятая:
«Ты теперь, Добрыня, во моих руках!
Захочу — тебя, Добрыню, теперь по́топлю,
Захочу — тебя, Добрыню, теперь съем-сожру,
Захочу — тебя, Добрыню, в хобота возьму,
В хобота возьму, Добрыню во норú снесу».
Припадает Змея ко быстрой реке,
А Добрынюшка плавать горазд ведь был:
Он нырнет на бережок на тамошний,
Он нырнет на бережок на здешний.
Нет у Добрынюшки добра коня,
Да нет у Добрыни платьев цветных, —
Только лежит один пухов колпак,
Пухов колпак да земли Греческой,
По весу тот колпак да целых три пуда.
Как ухватил он колпак земли Греческой,
Да шибнет во Змею во проклятую,
Он отшиб Змее двенадцать хоботов.
Тут упала Змея да во ковыль-траву.
Добрынюшка на ножку поверток был,
Скочит он на змеиные да груди белые.

На кресте у Добрыни был булатный нож,
Хочет он распластать ей груди белые,
А Змея ему, Добрыне, взмолится:
«Ой ты Добрыня сын Никитинич!
Мы положим с тобой заповедь великую:

Тебе не ездити далече во чисто поле,
На ту на гору на Сорочинскую,
Не топтать больше младых змеенышей,
Не выручать полонов да русских,
Не купаться тебе, Добрыня, во Пучай-реке
И мне не летать да на Святую Русь,
Не носить людей мне больше русских,
Не копить мне полонов да русских».

Он повыпустил Змею как с-под колен своих,
Поднялась Змея да вверх под облаку.
Случилось ей лететь да мимо Киев-града,
Увидала он Князеву племянницу,
Молоду Забаву дочь Путятичну,
Идучись по улице по широккой.
Тут припала Змея да ко сырой земле,
Захватила она Князеву племянницу,
Унесла во нору во глубокую.
Тогда солнышко Владимир стольнокиевский
По три дня да тут билич кликал,
А билич кликал да славных рыцарей,
Кто бы мог съездить далече во чисто поле
На ту на гору на Сорочинскую,
Сходить во нору да во глубокую
Достать его, Князеву племянницу,
Молоду Забаву дочь Путятичну.
Говорил Алешенька Левонтьевич:
«Ах ты солнышко Владимир стольнокиевский!
Ты накинь-ка эту службу да великую
На того Добрыню на Никитича:
У него ведь со Змеєю заповедь положена,
Что ей не летать на Святую Русь,
А ему не ездить далече во чисто поле,
Не топтать-то младых змеенышей
Да не выручать полонов русских, —
Так возьмет он Князеву племянницу
Молоду Забаву дочь Путятичну
Без бою, без драки-кроволития».

Тут солнышко Владимир стольнокиевский
Как накинуд ату службу да великую
На того Добрыню Никитича —
Ему съездить далече во чисто поле
И достать ему Князеву племянницу,
Молоду Забаву дочь Путятичну.
Он пошел домой, Добрыня, закручинился,
Закручинился Добрыня, запечалился.
Встречает его да родна матушка,
Честна вдова Ефимья Александровна:
«Ой ты рожоно мое дитятко,
Молодой Добрыня сын Никитинич!
Ты что с пиру невесел идешь?
Знать, место было тебе не по чину,
Знать, чарой на пиру тебя приобнесли,
Аль дурак над тобой насмеялся-де?»
Говорил Добрыня сын Никитинич:
«Ой ты государыня родна матушка,
Ты честна вдова Ефимья Александровна!
Место было мне да по чину,
Чарой на пиру меня не обнесли,
Дурак-то надо мной не насмеялся ведь:
А накинуд службу да великую
Солнышко Владимир стольнокиевский,
Что съездить далече во чисто поле,
На ту на гору да на высокую,
Мне сходить во нору во глубокую,
Мне достать-то Князеву племянницу,
Молоду Забаву дочь Путятичну».
Говорит Добрыне родна матушка,
Честна вдова Ефимья Александровна:
«Ложись-ка спать да рано с вечера [...],
Мудренее утро будет вечера».
Он вставал по утречку ранешенько,
Умывался да он белешенько,
Снаряжался он хорошоохонько,
Да идет на конюшню на стоялюю.

А берет в руки узду он да тесмяную,
А берет он дедушкова да ведь добра коня,
Он поил Бурка питьем медвяным,
Он кормил пшеной да белояровой,
Седлал Бурка в седлышко черкасское,
Он потнички да клал на потнички,
Он на потнички да клал войлочки,
Клал на войлочки черкасское седлышко,
Всё подтягивал двенадцать тугих подпругов.
Он тринадцатый клал да ради крепости,
Чтобы добрый конь с-под седла не выскочил,
Добра молодца в чистом поле не вырутил.
Подпруги были шелкóвые,
А шпеньки у подпруг все булатные,
Пряжки у седла да красна золота.
Тот шелк не рвется, булат не трется,
Красно золото не ржавеет,
Молодец на коне сидит, да сам не стареет.
Поезжал Добрыня сын Никитинич.
На прощанье ему матушка плетку подала,
Сама говорила таково слово:
«Как будешь далéче во чистóм поле,
На той на горе да на высокия,
Потопчешь младых змеенышей,
Повыручишь полонов да русских,
Как тыи-то молодые змееныши
Подточат у Бурка они щеточки,
Что не может больше Бурушко доскакивать,
А змеенышей от ног да он отряхивать, —
Ты возьми-ка эту плеточку шелковую,
А ты бей Бурка да промежú ноги,
Промежу ноги, да промежу уши,
Промежу ноги да между задние.

Станет твой Бурушко поскакивать,
Змеенышей от ног да он отряхивать,
Ты притопчешь всех до единого».

Как будет — он далече во чистом поле,
На той на горе да на высокой,
Потоптал он младых змеенышей.
Как те ли младые змееныши
Подточили у Бурка они щеточки,
Что не может больше Бурушко поскакивать,
Змеенышей от ног да он — отряхивать.
Тут молодой Добрыня сын Никитинич
Берет он плеточку шелковую,
Он бьет Бурка да промежу уши,
Промежу уши, да промежу ноги,
Промежу ноги, да между задние.
Тут стал его Бурушко поскакивать,
А змеенышей от ног да он отряхивать,
Притоптал он всех до единого.
Выходила Змея она проклятая
Из той из норы из глубокой,
Сама говорила таково слово:
«Ах ты эй, Добрынюшка Никитинич!
Ты, знать, порушил свою заповедь.
Зачем стоптал младых змеенышей,
Почто выручал полоны да русские?»
Говорил Добрыня сын Никитинич:
«Ах ты эй, Змея да ты проклятая!
Черт ли ты нес — да через Киев-град!
Ты зачем взяла Князеву племянницу,
Молоду Забаву дочь Путятичну?
Ты отдай же мне Князеву племянницу:
Без бою, без драки-кроволития!»
Тогда Змея она проклятая
Говорила-то Добрыне да Никитичу:
«Не отдам я тебе князевой племянницы
Без бою, без драки-кроволития!»
Заводила она бой-драку великую.
Они дрались трои суточки,
Но не мог Добрыня Змею перебить.
Хочет тут Добрыня от Змеи отстать,

Как с небес Добрыне глас гласит:
«Молодой Добрыня сын Никитинич!
Дрался со Змеей ты трои суточки,
Подерись со Змеею еще три часа:
Ты побьешь Змею да ту проклятую!»
Он подрался со Змеею еще три часа,
Он побил Змею да ту проклятую.
Та Змея она кровью пошла.
Стоял у Змеи он трои суточки,
Не мог Добрыня крови переждать.
Хотел Добрыня от крові отстать,
С небес Добрыне опять глас гласит:
«Ах ты эй, Добрыня сын Никитинич!
Стоял у крови ты трои суточки,
Постой у крови да еще три часа.
Бери свое копьё да бурзамецкое
И бей копьём да во сыру землю,
Сам копьё да проговаривай:
Расступись-ка, матушка сыра земля,
На четыре расступись да ты на четверти!
Ты пожри-ка эту кровь да всю змеиную!»
Расступилась тогда матушка сыра земля,
Пожрала она кровь да всю змеиную.
Тогда Добрыня во нору пошел,
Во те во норы да во глубокие.
Там сидят сорок царей, сорок царевичей,
Сорок королей да королевичей,
А простой-то силы той и смету нет.
Тогда Добрынюшка Никитинич
Говорил-то он царям да он царевичам
И тем королям да королевичам:
«Вы идите нынъ туда, откель принёсены.
А ты, молода Забава дочь Путятична,
Для тебя я эдак теперъ странствовал,
Ты поедем-ка ко граду ко Киеву,
Ай ко ласковому князю ко Владимиру».

ПОВЕСТЬ О ПЕТРЕ И ФЕВРОНИИ

Есть в Русской земле город, называемый Муром. Рассказали мне, что правил им когда-то добрый князь по имени Павел. Ненавидя всякое добро в роде человеческого, дьявол наслал в терем княгини Павловой летучего змея — обольщать ее на блуд. Когда находило на нее это наваждение, она видела его таким, каков он есть, а всем, кто входил в это время к княгине, представлялось, что это князь сидит со своею женою. Прошло немало времени, и жена князя Павла не утаила, рассказала мужу все, что было с нею, потому что змей тот уже насиловал ее.

Князь задумался, что сделать со змеем, и не мог придумать. Потом сказал жене:

— Сколько ни думаю, не могу придумать, как мне справиться с этим нечистым духом. Я той смерти не знаю, какую ему можно учинить. Вот как мы сделаем. Когда будет он с тобою говорить, спроси-ка ты хитро и лукаво его самого об этом, не знает ли этот оборотень-змей, от чего ему смерть суждена. Если ты это узнаешь и нам поведаешь, то не только избавишься от его гнусного дыхания и осквернения, о котором мерзко и говорить, но и в будущей жизни умилостивишь к себе неподкупного судию — Христа!

Княгиня обрадовалась словам своего мужа и подумала: «Хорошо, когда б это сбылось».

Вот прилетел к ней оборотень-змей, она заговорила с ним о том, о другом льстиво и лукаво, храня в памяти своей добрый умысел, и, когда он расхвастался, спросила смиренно и почтительно, восхваляя его:

— Ты ведь все знаешь, наверное, и то знаешь, какова и от чего суждена тебе кончина?

И тут великий обманщик сам был обманут лестью красивой женщины, — и сам не заметил, как выдал свою тайну:

— Смерть мне суждена от Петрова плеча, от Агрикова меча!

Княгиня, услышав эту загадку, твердо запомнила ее, когда змей улетел, пересказала мужу, как он ей ответил.

Князь выслушал и задумался, что это значит: «Смерть от Петрова плеча, от Агрикова меча?»

Был у него родной брат, князь, по имени Петр. Призвал он его в ближайшие дни и рассказал о змее и его загадке. Князь Петр, услышав, что змей назвал его именем того, кто с ним покончит, мужественно решился одолеть его. Но смущала его мысль, что ничего не знает об Агрикове мече.

Он любил молиться в малолюдных церквах. Пришел он как-то один в загородную церковь Воздвижения, что в женском монастыре. Тут подошел к нему подросток, служка церковный, и сказал:

— Князь! Хочешь, покажу тебе Агриков меч?

Тотчас вспомнил князь о своем решении и поспешил за служкой:

— Где он, дай взгляну!

Служка повел его в алтарь и показал щель в алтарной стене между кирпичами: в глубине щели лежал меч. Доблестный князь Петр достал этот меч и вернулся в княжий двор. Рассказал он брату, что теперь он уже готов, и с того дня ждал удобного времени — убить летучего змея.

Он каждый день приходил спросить о здравии брата своего и заходил потом к снохе по тому же чину.

Раз побывал он у брата и сразу от него пошел на княгинину половину. Вошел и видит: сидит с княгинею брат, князь Павел. Вышел он от нее и повстречал одного из свиты князя:

— Скажи мне, что за чудо такое: вышел я от брата к снохе моей, оставил его в своей светлице и нигде не задержался, а вхожу к княгине, он там сидит; изумился я, как же он раньше меня успел туда?

Приближенный князя отвечает:

— Не может этого быть, господин мой! Никуда не отлучался князь Павел из покоев своих, когда ты ушел от него!

Тогда князь Петр понял, что это колдовство лукавого змея. Пошел опять к старшему брату и спрашивает:

— Когда ты вернулся сюда? Я от тебя вот только что ходил в покой княгини твоей, нигде ни на минуту не задержи-

вался и, когда вошел туда, увидел тебя рядом с нею. Я был изумлен, как ты мог оказаться там раньше меня. Оттуда сразу же пошел я сюда, а ты опять, не понимаю, как опередил меня и раньше меня здесь оказался.

Тот же говорит:

— Никуда я из горницы своей не выходил, когда ты ушел к княгине, и сам у нее не был.

Тогда князь Петр объяснил:

— Это чары лукавого змея: он передо мною принимает твой образ, чтобы я не подумал убить его, почитая тебя, своего брата. Теперь уж ты отсюда никуда не выходи, а я пойду туда биться со змеем, и если бог поможет, так и убью лукавого змея.

Взял он заветный Агриков меч и пошел в покои своей снохи, опять увидел возле нее змея в образе брата, но теперь он был уже твердо уверен, что это не брат, а оборотень-змей, и поразил его мечом. В тот же миг змей принял свой настоящий вид, забился в предсмертных судорогах и издох. Но струи крови чудовища обрызгали тело князя Петра, и от этой поганой крови он покрылся струпьями, потом язвами и тяжело заболел. Он призывал всех врачей своего княжества, чтобы исцелили его, но ни один не мог его вылечить.

Прослышал он, что в Рязанской земле много лекарей, и велел отвезти себя туда, потому что болезнь его очень усилилась и он не мог уже сидеть на коне. Привезли его в Рязанскую землю, и разослал он свою дружину во все концы искать лекарей.

Один из его дружинников завернул в деревню Ласково. Подъехал он к воротам какого-то дома, — никого не видно; взошел на крыльцо, — словно никто и не слышит; открыл дверь и глазам не верит: сидит за ткацким станом девушка, одна в доме, а перед нею скачет-играет заяц. И молвит девушка:

— Плохо, когда двор без ушей, а дом без глаз!

Молодой дружинник не понял ее слов и говорит:

— Где же хозяин этого дома?

Девушка отвечает:

— Отец и мать пошли взаиммы плакать, а брат ушел сквозь ноги смерти в глаза глядеть.

Юноша опять не понял, о чем она говорит, удивился и тому, что увидел, и тому, что услышал:

— Ну скажи ты, что за чудеса! Вошел я к тебе, — вижу, работаешь за станом, а перед тобой заяц пляшет. Заговорила ты, — и странных речей твоих я никак не пойму. Сперва ты сказала: «Плохо, когда двор без ушей, а дом без глаз!» Про отца и мать своих сказала: «Пошли взаиммы плакать», а про брата: «сквозь ноги смерти в глаза глядеть», и ни единого слова я тут не понял.

Улыбнулась девушка и сказала:

— Ну чего уж тут не понять! Подъехал ты ко двору и в дом вошел, а я сию неприбранная, гостя не встречаю. Был бы пес во дворе, почуял бы тебя издали, лаял бы: вот и были бы у двора уши. А кабы в доме моем было дитя, увидело бы тебя, как ты через двор шел, и мне бы сказало: вот был бы и дом с глазами. Отец и мать пошли на похороны и там плачут, а когда они помрут, другие над ними плакать будут: значит, сейчас они свои слезы взаиммы проливают. Сказала я, что брат мой (как и отец) — бортник, в лесу они собирают по деревьям мед диких пчел. Вот и сейчас брат ушел бортничать, залезет на дерево как можно повыше и вниз поглядывает, как бы не сорваться, ведь кто сорвался, тому конец! Потому я и сказала: «Сквозь ноги смерти в глаза глядеть».

— Вижу, мудрая ты девица, — говорит юноша, — а как же звать тебя?

— Зовут меня Феврония.

— А я из дружины муромского князя Петра. Тяжело болеет наш князь — весь в язвах. Он своей рукой убил оборотня, змея летучего, и где обрызгала его кровь змеиная, там и стружья явились. Искал он лекаря в своем княжестве, многие его лечили, никто не вылечил. Приказал сюда себя привезти, говорят, здесь много искусных целителей. Да не знаем мы, как их звать и где они живут, вот и ходим, спрашиваем о них!

Феврония подумала и говорит: